

ГЛАВА II

РАСКОПКИ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

Раскопками Ошаканской экспедиции открыты новые, до настоящего времени неизвестные монументальные памятники урартской гражданской архитектуры. Эти памятники являются дворцовыми комплексами, представляющими исключительный интерес не только для архитектуры Ванского царства, но и для последующих эпох. Здесь впервые в чрезвычайно большом количестве встречаются молельни, святилища и другие культовые сооружения, раскрывающие не только архитектурно-планировочные особенности этих сооружений, но и идеологию их обитателей.

Судя по наблюдаемым остаткам стен дворцовые помещения Ошакана, занимавшие северные склоны малого холма, составляли четыре комплекса. Первый и второй расположены по оси север-юг с отклонением к востоку на 40°. Чтобы не вносить путаницу в ориентацию помещений, мы условно считаем их ориентированными с севера на юг. Третий и четвертый комплексы расположены в 150—200 м восточнее первых двух, перпендикулярно им¹.

Первый дворцовый комплекс, раскопанный в 1972—1975 гг., состоит из 14 помещений общей площадью 900 кв. м. (табл. XII). Раскопки второго комплекса, начатые в 1976 г. и пока не завершённые, выявили 24 помещения (16—38). Эти комплексы (табл. XI) соединяются посредством частично перекрытого двора (помещение XV), что было характерно для урартских крепостей². Внешние стены первого комплекса шириной 1,5—2,45 м местами едва выступают над окружающей местностью. С внутренней стороны их высота составляет 0,4—1,5 м.

Помещение I расположено в крайнем северо-западном углу. Его западная и северная стены являются в то же время внешними стенами крепости. С южной стороны оно смежно с помещением VI, а с восточной—II. Размеры 7,9×5 м. Стены сохранились на высоту 0,4 м. Пол как этого, так и других помещений для нивелировки склона засыпан шлаком и покрыт слоем утрамбованной земли высотой 20—30 см. Дверей не обнаружено. В северо-западном углу найдено два кромлеха (№ 1 и 2), сооружённых внутри комнаты после гибели дворца.

¹ Западнее второго комплекса на расстоянии 100—150 м наблюдаются отдельные камни, возможно, являющиеся остатками стен ещё одного комплекса.

² К. Л. Оганесян, Аринберд, с. 24; А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, с. 88.

Внутри помещения обнаружено несколько фрагментов больших урартских карасов, украшенных двумя рельефными жгутовыми поясками, фрагмент большого краснолощеного сосуда, украшенного рельефной линией и ногтевым орнаментом, и фрагмент большого грубого черного кувшина, покрытого сажей.

Помещение II, смежное с помещениями I, III и V, расположено восточнее первого. Северная стена является в то же время наружной стеной. Размеры 5,1×4,9 м. Дверным проемом связано с помещением V. Порог выложен мелкими камнями. На полу найдены фрагменты больших красных и коричневых карасов, украшенных рельефным жгутовым орнаментом, краснолощенных кувшинов, красных ангоброванных фиал, мисок с профилированными или округлыми бортами, грубых горшков, покрытых сажей, сосуда неизвестного назначения с широким плоским дном и округло суживающимися бортами, а также фрагмент верхнего камня ладьевидной зернотерки.

Помещение III, смежное с помещениями II, VI, расположено восточнее помещения II. Размеры 7,9×5 м. Имеет несколько неправильную форму. Южная стена, являющаяся продолжением стены помещения II, на расстоянии 3,1 м от юго-западного угла под прямым углом отходит 1,7 м и затем опять под прямым углом сворачивает на восток, образуя колено. Связано дверным проемом с помещением VI; другая дверь ведет наружу.

Здесь найдены пять целых и фрагментированных зернотерок, большое лощило из речного гольша и сильно сработанными рабочими сторонами и неглубокая каменная ступка, а также фрагменты глубокой лощеной миски и два фрагмента грубых черных горшков, украшенных рельефными поясками с вдавленными косыми линиями и ногтевым орнаментом, покрытым сажей. Под полом, почти в центре помещения обнаружено погребение № 3. Другое погребение (№ 4) найдено под центральной частью северной стены, которая частично перекрывает его. Погребения под стенами или нивелированными полами урартских домов выявлены и при раскопках Аргиштихинили. Большое количество типично урартского инвентаря VIII—начала VII вв. до н. э. встречается на обширной территории к западу от холма³.

Помещение VI, длиной 11 м, шириной 1,9 м, является коридором, куда выходили помещения III, V, IX и X. Восточной стеной служит внешняя стена всего комплекса. Связано дверными проемами с помещениями I, IX, X. Пол, как и в помещении III, местами образован естественными выходами туфовых пород, неровности между которыми нивелированы утрамбованной землей. Здесь обнаружено небольшое количество керамики: фрагмент большого караса с треугольными выемками, типичными для урартских изделий, фрагменты широкогорлых кувшинов с округлыми выемками и фрагмент большого сосуда с двурядным косым ногтевым орнаментом. Кроме того, найдены фрагменты красных лощеных сосудов, украшенных снаружи прямыми линиями и овалами, а изнутри глубокими полукругиями, сосудов с рельефными линиями, мисок с округлыми и профилированными бортами и др. Самой интересной находкой является фрагмент двуручного кубка с втянутым туловом и высокой шейкой, аналогии к которому хорошо из-

³ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 50—51.

вестны в Армении по находкам из урартских и раннесармянских памятников.

Под южной стеной обнаружены четыре погребения—№ 5, 6, 7, 8, примыкающие к ней одной стороной; их остальные стены сложены из крупных туфовых блоков, снятых со стен рассматриваемых сооружений. Погребение № 39 обнаружено в дверном проеме, ведущем в помещение X.

Помещение V, смежное с помещениями II, IV, VI, VIII, расположено западнее помещения IV. Между восточной поперечной стеной, длина которой составляет лишь 1 м, и северной стеной оставлен проход шириной 1,7 м, соединявший помещение с помещением IV. Поперечная стена, сохранившаяся на высоту 0,9 м, будучи несущей, более массивная и имеет толщину 1,6 м. Помещение V связано дверными проемами с помещениями II, VI, VIII. Пороги выложены двумя плитами—из темно-красного и коричневого туфа. Дверные проемы с порогами, выложенными туфовыми плитами, а также мелкими камнями, обнаружены при раскопках Аргиштихинили⁴ и Тейшебаини⁵.

Здесь найдено небольшое количество фрагментированной керамики, а в северо-западном углу—плита из красного туфа размерами 1,2×1,25×0,3 м, явно культового назначения.

Помещение IV расположено южнее помещения I. Размеры 10,9×1,7 м. Под восточной стеной сохранилась частично разрушенная каменная приступка длиной 3,6, шириной 0,7 и высотой 0,9 м, какие встречаются и в других крепостях рассматриваемого времени. Так, пятиметровая скамья обнаружена под южной стеной помещения VIII дома № 6 Аргиштихинили⁶, в доме знатного урарта в Тейшебаини⁷, в крепости VI—V вв. до н. э. Пилор-пат, в селе Норашен Шамшадинского района⁸ и других местах. Скамьи-приступки сооружали также в центральной части Урарту (Ванская скала) и в Месопотамии (храм Нарамеина в Ашнунаке, дворец Саргона в Дур-Шаррукине). Позже они появились в ахеменидском Иране—Персеполе, Пасаргадах и Аринберде⁹. В южном углу рядом с приступкой имеется дверной проем, ведущий в помещение VII. Ширина проема 1 м, глубина 1,25 м. Порог дверного проема, как и все его основание, выложен мелкими камнями. Толщина внешней западной стены 1,5 м.

Помещение VII расположено южнее помещения IV. В качестве его западной стены выступала внешняя стена, а остальные стены служили одновременно смежным помещениям IV, VIII, XI. Размеры 8×4,3 м. Стены сохранились на высоту 0,8 м. Соединено дверным проемом шириной 0,9 м. У проема в пол вкопана небольшая грубая каменная чаша, по-видимому, служившая подставкой остродонных сосудов. Рядом с ней обнаружен прислоненный к стене каменный идол в виде круглого столбика с заостренной верхушкой.

Посередине помещения найден большой фаллос с частично отбитой

⁴ Там же, с. 104.

⁵ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, с. 111, 122.

⁶ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 117.

⁷ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 114.

⁸ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, с. 76. (далее—Древняя культура...).

⁹ К. Л. Оганесян. Указ. соч., с. 84, 85.

головкой. Под северной стеной, отделявшей его от смежного помещения IV, обнаружен очаг из четырех грубых камней со следами угля и золы, а рядом с ним у стены большая частично сломанная глиняная жаровня. Находки очага, фаллоса и идола-столбика свидетельствуют о том, что в Ошакане, как и в Аргиштихинили, имелись священные уголки. В этом помещении найдены также большая коричневая миска со слегка профилированными бортами, ручка красного кувшина и нижний камень зернотерки. В центре помещения обнаружено античное погребение (№ 18), сложенное из камней, снятых со стен.

Помещение VIII, смежное с помещениями V, VII, IX и XII, расположено восточнее помещения VII. Размеры 6,4×4,6 м. Соединено дверным проемом с помещением V. В северо-западной части дверного проема обнаружен закопанный в землю большой каменный подпятник, а около проема—сломанный туфовый фаллос, идол-столбик с округлой верхней частью, небольшая каменная ступка и подпятник. Найдено большое количество фрагментов небольших красных мисок с прямыми, иногда чуть вдавленными вовнутрь венчиками и неглубоких красных и серых мисок с профилированными бортами, а также фрагмент глубокой красной фиалы, фрагмент вытянутого кубка, украшенного рельефным пояском, кольцевое доньшко красного лощеного сосуда и фрагмент большого красного урартского караса, украшенного двурядным жгутовым орнаментом. В юго-восточном углу помещения обнаружено позднее погребение (№ 17), сложенное из каменных блоков, снятых со стен помещения.

Помещение IX, смежное с помещениями VI, VIII, X и XIII, расположено восточнее помещения VIII. Размеры 5,3×5,2. Стены сохранились на высоту 0,7 м. Соединено дверью с помещением XIII. На пороге уложена туфовая плита размерами 1,4×1,4×0,2 м, служившая ступенькой (табл. XIII, 1). Помещение IX по линии север—юг разделено перегородкой на две небольшие комнаты—IХа (10 кв. м) и IXб (11 кв. м), соединенные дверью шириной 0,7 м. На полу найдены фрагменты больших покрытых сажей горшков со скошенными венчиками и больших сосудов, украшенных рельефными поясками. В комнате IХа обнаружены два поздних погребения—небольшой каменный ящик с кувшином, в котором был похоронен ребенок (№ 19), и кромлех с кувшинным захоронением (№ 38). В комнате IXб раскрыт кромлех с вписанным каменным ящиком (погребение № 20).

Назначение этого помещения неясно. Его стены, сложенные из гладко отесанных туфовых блоков, и роскошное оформление дверного проема, ведущего в помещение XIII, явно говорят о том, что перед нами не жилое или хозяйственное помещение. Расположение этого помещения почти в самом центре дворцового комплекса, небольшие размеры и двойные двери позволяют выдвинуть предположение, что оно могло быть сокровищницей или хранилищем культовых предметов.

Помещение X, смежное с помещениями VI, IX и XIII, расположено восточнее помещения IX. Размеры 5,5×4 м. Восточной стеной служит внешняя стена комплекса. Соединено с помещением VI. При раскопках обнаружены фрагменты больших, покрытых сажей широкогорлых горшков с чуть заметными скошенными венчиками, больших сосудов, украшенных рельефными поясками, красных лощеных и грубых черных мисок с профилированными бортами, одна из которых снабжена кольцевой ручкой, и фрагмент розовой лощеной чаши с

вдавленным днищем. Кроме керамических изделий найден фрагмент большой, до одного метра длины, ладьевидной зернотерки.

Под западной стеной открыты три погребения (№ 9—11), а в дверном проеме, ведущем в помещение VI, как уже указывалось, — погребение № 39. Проем со стороны помещения X был забутован камнями, среди которых найдены фрагменты двух больших базальтовых чанов. Наиболее интересной находкой является фрагмент горлышка сосуда бледно-коричневого цвета, на котором темно-коричневой краской нанесены горизонтальные полосы. По-видимому, сосуд выпал из одного из погребений.

Помещение XI расположено в крайнем юго-западном углу дворцового комплекса. В качестве западной стены выступает внешняя стена комплекса, а остальные стены служат одновременно смежным помещениям VII, XII, XV. Размеры 7,5×3,4 м. Соединено дверным проемом размерами 1,65×1,1 м с помещением XII. На пороге уложены две большие гладко отесанные туфовые плиты (табл. XIII, 2). Рядом с дверным проемом в северо-западном углу обнаружена выгребная яма круглой формы глубиной 2 м (верхний диаметр 1 м, нижний—1,2 м), вырытая в твердом шлаке, что обеспечило стенкам хорошую сохранность. В яме найдены фрагменты ладьевидной зернотерки, ложило из речного глыща со следами сработанности на трех сторонах, грузило из черного туфа, в форме колесика с отверстием посередине и небольшое количество керамики.

Керамические изделия представлены фрагментами круглых очагов, диаметром 60—70 см, с невысокими бортами и массивными днищами, фрагментом горлышка одноручного кувшина с ручкой, украшенной вертикальной прорезью со ступенчатыми углублениями, фрагментами больших черных сосудов, украшенных рельефными поясками, косыми насечками, многорядными волнистыми линиями и косым точечным орнаментом, фрагментами тулов различных красных и коричневых сосудов со следами слабо нанесенного ангоба.

Наибольший интерес представляют два фрагмента бледно-голубых сосудов из стеклянной смальты, украшенных синими и желто-золотистыми волнистыми линиями и костяной инкрустацией в форме сердечка.

В помещении обнаружены два поздних погребения—одно (№ 14) у северной стены между ямой и дверным проемом, второе (№ 16) в юго-восточном углу.

Помещение XII, смежное с помещениями VIII, XI, XIII, XV, расположено восточнее помещения XI. Размеры 10,6×7,5 м, высота сохранившихся стен—1,1 м. Соединено дверью с помещениями XI и XIII. Так как пол помещения XII ниже пола помещения XI, у дверного проема устроена ступенька из гладко отесанной туфовой плиты, по длине соответствующая плитам, уложенным в его основании. У дверного проема, ведущего в помещение XIII, в основании которого уложена большая туфовая плита, также имеется ступенька. Вдоль северной стены во всю ее длину устроена приступка высотой в 30 см, сложенная из грубых булыжников, обмазанных глиной, которая у входа в помещение XI имеет ширину 1 м, а у дверного проема, ведущего в помещение XIII,—0,85 м, что объясняется разницей в ширине углов. Это помещение, будучи самым просторным в дворцовом комплексе

(его площадь составляет около 80 кв. м), без сомнения, служило залом для проведения различных собраний и, быть может, культовых церемоний, о чем свидетельствует и приступка длиной почти в 10 м. Здесь найдено два обломка головок фаллосов. Почти вся территория помещения занята поздними погребениями (№ 28—32, 37, 48, 63 и 85).

Помещение XIII, смежное с помещениями IX, XII, XIV, XV, расположено восточнее помещения XII. Размеры 7,6×5,3 м, высота сохранившихся стен—1 м. Соединено дверьми с помещениями IX, XII, XIV, XV. Судя по его расположению оно играло роль обширного холла. Здесь найдены обсидиановый вкладыш серпа, точило из речного глыша и обломок фаллоса из рыжевато-го тufa. У входа в помещение XII обнаружено античное погребение (№ 71); другое античное погребение (№ 72) пристроено к стене помещения XIV.

Помещение XIV расположено в крайнем юго-восточном углу дворцового комплекса, восточнее помещения XIII, с которым соединено дверью. Смежно с помещениями X, XII, XIII, XV. Восточной стеной служит стена комплекса. Размеры 7,6×4,3. Высота сохранившихся стен доходит до 1 м. Здесь найдены три больших урартских караса (два в центре помещения, а третий в северо-восточном углу), от которых сохранились лишь нижние части. Положение сосудов говорит о том, что их не закапывали в землю, а ставили прислонив к стене. На Кармир-блуре также кроме огромного количества вкопанных в землю карасов в помещении XXXIII у дверного проема было найдено семь больших карасов, установленных на полу¹⁰. В помещении XIV обнаружены кроме того фрагменты грубого красного горшка с вздутым туловом, большого коричневого лощеного кувшина с рельефным пояском, черных сосудов, украшенных вдавленными волнистыми линиями и косыми вертикальными полосами, красных лощеных мисок с профилированными бортами и обломок фаллоса из коричневого тufa. Здесь раскопаны также четыре поздних погребения (№ 12—14, 21), сложенные из камней кладки стен. В третьем карасе, стоявшем в северо-восточном углу, найдены остатки черепа и другие человеческие кости без какого-либо сопровождающего инвентаря. По-видимому, разбитый карас был также приспособлен в античное время для захоронения.

Находки карасов и большого числа обломков керамической посуды показывают, что помещение XIV являлось хозяйственной кладовой первого дворцового комплекса Ошакана.

Помещение XV расположено южнее первого дворцового комплекса. Оно тянется вдоль всех помещений южной стороны почти на 30 м и смежно с помещениями XI—XIV (табл. XIV). Северная стена, являющаяся в то же время южной стеной первого комплекса, проходит по прямой; южная стена, образованная стенами сооружений второго комплекса, изогнута в соответствии с их формами. Поэтому ширина помещения колеблется от 4,4 до 6,2 м. Пол неровный. Его восточная часть на ширину 17 м от стены образована естественными выходами туфовых скал. Западная часть приподнята на 0,4 м засыпкой из камней и утрамбованной

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 15.

земли. Четыре двери с южной стороны ведут в помещения второго комплекса. Двор имеет два входа. По обе стороны первого входа шириной 1,65 м, находящегося в восточной части, с внутренней стороны поставлены башенки размерами 3,2×2,5 м. Северный выступ выдается на 0,4 м, образуя нечто вроде небольшого контрфорса шириной 1,5 м. Второй вход расположен в северной части западной стены второго комплекса. Во дворе найдены три ямы—две круглые, диаметром 1,2 м, в юго-восточном углу, а третья, почти прямоугольная (2,5×1,35×1,4 м), под северной стеной; последняя примыкает к помещению XII. Во всех трех ямах найдены фрагменты керамики, а в третьей яме—фрагмент бронзового браслета, фрагмент зернотерки, базальтовая чаша и два круглых каменных шара, возможно, гири.

Во дворе обнаружены два поздних погребения. Погребение № 40, представляющее собой каменный ящик, было пристроено к западной стене двора. Погребение № 107 занимало вышеуказанную нишу, закрытую камнем длиной 1,5 м и превращенную в свособразный склеп.

Помещение XVI, расположенное юго-западнее двора, выходит за внешнюю западную стену второго комплекса. Размеры 12,5×6 м. Стены оштукатурены лишь с внутренней стороны. Ширина общей с помещением XVII стены 1 м. Все помещение было забито камнями, упавшими со стен, и обгорелой землей, свидетельствующей о сильном пожаре. На полу найдено большое количество фрагментов местной и урартской керамики, а также небольшой идол с отбитой головой, округлый торс которого имеет диаметр 0,2 м и высоту 0,5 м, и фрагмент зернотерки.

Помещение XVII расположено восточнее помещения XVI, внутри второго дворцового комплекса. Размеры 7×4,1 м. Связано широким дверным проемом с помещением XVIII. Помещение было сплошь засыпано камнями, упавшими со стен. В этом завале обнаружено два детских погребения в виде каменных ящиков. Сохранившаяся высота южной стены—2,2 м. В ее восточной части на высоте 1,3 м от пола была устроена подквадратная ниша глубиной 0,6 м, шириной 0,3 м и высотой 0,4 м. На полу найдено несколько кусков саманного кирпича и небольшой проволоочный браслет. Под завалом камней на глубине 1,7 м грунт резко меняется, превращаясь в мягкую землю, перемешанную с золой, по-видимому, нанесенной до разрушения стен. В этом слое найдено несколько черных чаш. В юго-западном углу обнаружено три караса, наполовину вкопанных в грунт, а около них—небольшой очаг из врытых в землю камней, между которыми осталось большое количество золы. Пол образован из нивелированного шлака, покрытого слоем мягкой утрамбованной земли глубиной 15 см, на которой обнаружено большое количество тростниковой золы. Около карасов найдено два крупных фаллоса. Два караса небольшие—высотой 1 и 1,2 м; в одном из них обнаружено истлевшее просо. Третий большой, с выступающим венчиком. Под шейкой и в верхней части проходит жгутовый орнамент, а срединная часть тулова украшена двумя рядами треугольных выемок, по семь в каждом ряду. Здесь же найдены зернотерки, фрагмент рога и кость со сквозным отверстием.

Помещение XVIII расположено восточнее помещения XVII. Связано дверными проемами с помещениями XVII, XXII и XXIV, а через последнее с коридором, ведущим во двор. Размеры 9,7×4,2 м. Пол в

восточной части почти наполовину выложен тонкими каменными плитами, промежутки между которыми, как и западная часть пола, заполнены утрамбованной землей.

Удлиненный дверной проем, ведущий в помещение XXII, образует небольшой коридор размерами $2 \times 2,1$ м. Впоследствии он был заложен, и вместо коридора образовалась своеобразная ниша. В центре ниши в землю был вкопан большой карас, по обе стороны которого были врыты два идола-столбика высотой 60—70 см. Около караса обнаружено 85 целых и фрагментированных ладьевидных и прямоугольных зернотерок, а посередине помещения—большая базальтовая ступка и три идола-столбика. Среди камней, упавших со стены, общей с помещением XXVII, найдено три фрагмента больших фаллосов. На полу найдено несколько терочников, точило, грузила и много урартской и местной керамики.

Помещение XIX, расположенное северо-восточнее помещения XVIII, смежно с помещениями XX, XXIV, XXII и коридором, ведущим во двор. Размеры $5,5 \times 3,2$ м. Связано дверным проемом с помещением XX. Порог возвышается на 0,2 м. Пол выложен отдельными каменными плитами, пространство между которыми обмазано глиной. Здесь найдено шесть целых и фрагментированных зернотерок, ложила, а в завале камней, упавших со стен, два идола-столбика, четыре разбитых фаллоса, зернотерка и фрагмент каменной чаши.

Помещение XX, расположенное восточнее помещения XIX, связано дверными проемами с помещениями XIX, XXII и XXV, а через последнее и вышеуказанный коридор—со двором и целым рядом других помещений. Размеры $8,1 \times 5,5$ м. В центре южной стены открыта круглая яма диаметром 1,2 и глубиной 1,2 м. Пол помещения на 0,6 м ниже пола помещения XIX, поэтому в дверном проеме этих смежных помещений сооружена двухступенчатая лестница из грубых камней. Перед дверным проемом смежного помещения XXV, где пол ниже на 0,7 м, положен плохо обработанный камень высотой 0,5 м, а перед дверным проемом, ведущим в помещение XXII, пол которого выше пола помещения XX на 0,3 м, сделана ступенька из мелких камней, засыпанная утрамбованной землей.

Пол помещения целиком был завален камнями, упавшими со стен. В этом завале найдено 11 идолов-столбиков, два обломка фаллоса и голова каменной антропоморфной статуи, явно использовавшиеся при реконструкции помещения. На полу большое количество фрагментов зернотерок и керамики. В юго-восточном углу обнаружен культовый очаг, сооруженный после конструкции здания. Для этого в восточной части помещения из мелких камней была возведена стена-перегородка, длиной 3,4 м и толщиной 0,5 м (высота сохранившейся части 0,7—1,2 м), а в нише, образовавшейся между ней и восточной стеной, из четырех, врытых в землю каменных столбиков высотой 0,5—0,7 м был сооружен очаг (размерами $1 \times 0,8$ со всех сторон, кроме северной), обложенный каменными плитами. По-видимому, ниша прикрывалась дверью, и поскольку само помещение тоже имело двери, можно говорить, что она была снабжена двойными дверями, видимо, образуя своеобразное капище. Под очагом обнаружена древняя выгребная яма. В помещении найдены зернотерка, каменная чаша, идол и много фрагментов керамики.

Помещение XXI примыкает к помещениям XX, XXII, XXX. Имеет чуть трапециевидную форму. Размеры 3,9×3,45 м. Оно изолировано от остальных помещений комплекса и имеет входную дверь во внешней восточной стене. Однако фактически это дверь смежного помещения, так как в этой части дворцовый комплекс расширяется к востоку. Пол почти на 0,5 м выше полов всех других помещений из-за выхода туфовых скальных пород.

Здесь раскопано множество зернотерок, каменных чаш, терочников, идолов-столбиков (2 экз.), фаллосов (4 экз.), грузило с отверстием, а также каменная статуя с отбитой головой. В большом количестве представлены фрагменты разнообразной керамики.

Помещение XXII, примыкающее к помещениям XVIII, XIX, XXX, XXXI, соединено дверными проемами с помещениями XVIII, XX и XXX. Размеры 6,3—6,25 м. Под восточной стеной обнаружены две ямы диаметром 1,1 и 1,12 м и глубиной 0,5 и 0,9 м. Впоследствии, во время реконструкции, в его западном углу была сооружена культовая площадка-платформа размерами 2,57×2,42×0,5 м. В ее западном углу найдена туфовая база, перенесенная сюда из помещения XXV и использованная как строительный материал.

На платформе обнаружено два очага. Прямоугольный очаг в северо-западном углу платформы, сложенный из семи гладких туфовых камней, состоял из двух камер, разделенных глиняной перегородкой. Его размеры 0,93×0,47 м, глубина—15 см. Дно и стенки обмазаны толстым слоем сильно обожженной глины. Второй очаг в юго-западной части платформ имел форму полуовала. Однако, поскольку восточная часть платформы сливается со скальным выступом, образующим пол, можно предположить, что восточная часть очага не сохранилась. В помещении найдены грузило, колесница, фаллос, много различной керамики, антропоморфная статуя.

Помещение XXIII, расположенное южнее помещения XVIII, отделено от него оконтуренным, но пока не раскопанным помещением. Размеры 6,5×4 м. Соединено с помещением XXXII дверным проемом, основание которого выложено мелкими камнями. В северной части помещения под стеной обнаружены четыре небольших вкопанных в землю караса диаметром 0,5, 0,7, 0,8, и 0,9 м с отбитыми верхними частями. Обломки тулов, лежавшие на дне карасов, украшены жгутowym орнаментом, проходящим под венчиком и в верхней части тулова.

В центре помещения по оси север—юг найдены два вкопанных в землю фаллоса с разбитыми головками. Другой фаллос высотой почти 1 м и диаметром 0,5 м во время реконструкции был использован в качестве углового камня для дверного проема. На полу найдены шесть фрагментов зернотерок, фрагменты чаш, фиал, крупного двуручного кувшина-кубка, рог с тремя отверстиями (по-видимому, псалий удил) и железный стержень.

Помещение XXIV расположено севернее помещения XVIII. Примыкает к помещениям XVIII, XIX, XXVII и к коридору, ведущему во двор. Размеры 4×3,9 м. Соединяется дверными проемами с помещением XVIII и коридором. На восточной стене на площади около 2,5 кв. м сохранились следы глиняной обмазки. В восточной части помещения, почти под дверным проемом, раскрыта яма в форме овала размерами 1,8×1 м и глубиной 1,2 м, вырытая в скальном грунте.

Восточная и южная стенки ямы образованы вырубленным скальным грунтом, а северная и западная обложены камнями. В центре помещения обнаружен небольшой очаг диаметром 0,5 м и глубиной 0,2 м, обложенный камнями и обмазанный глиной. Большое количество золы и обгоревшие стенки очага свидетельствуют о том, что им пользовались довольно часто. На полу найдено несколько целых зернотерок и большое количество фрагментов керамики. В завале упавших со стен камней на высоте до 0,7 м от уровня пола найдено 11 обломков зернотерок и ступки, 6 обломков фаллосов, 12 идолов-столбиков и другие культовые предметы, которые были использованы как строительный материал.

Помещение XXV является пока что самым большим из раскопанных помещений—его площадь составляет 150 кв. м. Размеры 15,5×9,5 м. Расположено между двором и помещением XX, севернее последнего. Смежно с двором и помещениями XIX, XX, XXVI. Соединено дверными проемами с помещением XX, двором и коридором, который связывает двор с помещениями XXIV, XXV и XXVII.

В восточной части найдены две каменные базы деревянных колонн диаметром 47—48 см. Их расположение и соотношение с площадью помещения четко указывают на то, что в древности здесь был восьмиколонный зал. Впоследствии при раскопках помещений XXII и XXXI были найдены еще две аналогичные базы, по-видимому, использованные как строительный материал при их реконструкции. Под южной стеной сооружена скамья-приступка из базальтовых камней длиной 6,2 м, шириной 0,65 м и высотой 0,42—0,53 см. Пол, покрытый утрамбованной землей и отдельными плитами, был ниже уровня двора на 0,2 м и уровня пола помещения XX на 0,45 м.

В помещении найдено 12 идолов-столбиков—девять в южной части, три в северо-восточном углу, много фрагментированных и целых зернотерок и ступок, большое количество битой керамики. Зал, по-видимому, в древности предназначался для различных торжеств, церемоний и собраний, но не являлся культовым сооружением, несмотря на найденных здесь идолов, поскольку, будучи проходным, не мог служить для отправления культовых и ритуальных церемоний.

Раскопками установлено, что зал вместе с рядом других сооружений погиб от пожара. Так, на полу было найдено большое количество золы, обгорелой земли и тростникового пепла. Впоследствии его восстановили, как и другие помещения. Колонны были убраны, а посередине помещения была возведена грубая поперечная стена-перегородка, делившая его на две части. Первая, выходившая во двор, по-прежнему соединялась с ним посредством дверного проема, вторая сообщалась со двором через коридор. В первом помещении неподалеку от дверного проема была возведена стена длиной 3,5 м, образованная с западной стеной, служившей и смежному помещению XXVI, небольшой закуток (аналогичный строению в помещении XX), внутри которого обнаружен глиняный очаг овальной формы с сечениями 1,0 и 0,5 м. Его стенки шириной 25 см и высотой 15 см на 5 см врыты в пол. Стенки и дно очага, обмазанные слоем глины толщиной 4—5 см, сильно обгорели от часто разводимого огня. Таким образом, после реконструкции зала здесь было устроено небольшое капище с двойны-

ми дверьми, аналогичное капищу помещения XX, но с очагом другой формы.

В юго-западной части второго помещения у входа в коридор, почти впритык к поперечной стене-перегородке, параллельно стене смежного помещения XXVI, была возведена массивная стена, назначение которой не вполне ясно, однако можно предположить, что она играла роль свособразного алтаря. В северо-восточной части помещения напротив перегородки был сооружен прямоугольный очаг размерами $0,7 \times 0,45$ м и глубиной 10 см, глиняные стенки которого также были врыты в землю. В западном углу стоял прямоугольный камень высотой в 0,5 м.

Помещение XXVI расположено западнее помещения XXV и смежно с помещением XXV, двором и коридором. Размеры $11,3 \times 6,1$ м. Сосдинено дверью с коридором. Около дверного проема в коридоре найден женский антропоморфный идол. Пол в южной и северной части обрзозан выходами туфовых пород, а остальное пространство покрыто отдельными каменными плитами и утрамбованной землей. В южной части помещения в завале камней на высоте 0,6 м от пола обнаружен фаллос с человеческим лицом, а в юго-восточном углу—два идола-столбика. Найдены также фрагменты крупных и мелких зернотерок, каменной чаши, подпятник. Керамика представлена небольшим количеством фрагментов мисок, фиал и чаш. Под восточной стеной обнаружено античное погребение типа каменного ящика размерами $0,88 \times 0,6 \times 0,55$ м (№ 7), сооруженное после гибели дворцовых сооружений.

Помещение XXVII, представляющее собой зал площадью 100 кв. м, расположено западнее помещения XXIV и смежно с помещениями XVII, XVIII, XXIV, XXVIII и коридором, с которым связано дверным проемом. Размеры $11,5 \times 8,4$ м. В центре зала по оси восток—запад обнаружено восемь туфовых баз колонн, поставленных в два ряда. На полу раскопаны четыре ямы, перекрытые каменными плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами местной и урартской керамики. На полу помещения в завале упавших со стен камней найдено 25 идолов-столбиков и фаллосов; еще 9 фаллосов и идолов-столбиков и большая антропоморфная статуя найдены в кладке общей для помещений XVII и XVIII стены. По-видимому, этот колонный зал в древности служил святилищем для обоих комплексов и в нем были установлены многочисленные статуи, фаллосы и идолы-столбики, перед которыми совершались жертвоприношения. Без всякого сомнения, здесь горел очаг-жертвенник, золу из которого не выбрасывали, а засыпали в ямы, которые выкапывали по мере надобности, после того как очередная яма заполнялась «священным пеплом» и перекрывалась каменными плитами.

Зал погиб от пожара, о чем свидетельствуют остатки обгорелой земли и тростникового пепла, а позднее вместе с другими помещениями был восстановлен. Оставшиеся здесь идолы-столбики, фаллосы и антропоморфные статуи были использованы при возведении стен.

После реконструкции зала в его юго-восточном углу был отгорожен небольшой отсек, западная стенка которого перекрывала базу колонны и ямы № 1 и 2. В юго-западной части была устроена небольшая ниша, аналогичная нише из помещения XX, внутри которой был

установлен такой же очаг, размерами $0,7 \times 0,6$ м, с той лишь разницей, что здесь открытой была восточная стенка. Вдоль северной стены зала из камней и сухой земли была насыпана платформа длиной 10 м, шириной 3,6 м и высотой 0,5 м, под которой остались все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышавшаяся над ней на 0,2 м, за которой была возведена массивная стена, примыкавшая к урартской западной стене. От площадки к помещению с очагом вела дорожка из туфовых плит шириной 1 м.

Как видим, при реконструкции колонного зала бывшее святилище было превращено в капище с огнем. После гибели этих помещений у дверного проема из мелких камней было сооружено античное погребение (№ 116), имеющее форму ящика. В ямах № 1 и 2 найдено много местной и урартской керамики, а в яме № 1, кроме того, кривой урартский нож, зернотерки, грузила-колесики, терочки, подпятник, пробка из шлака и точило. Урартская керамика была найдена также между шестой и седьмой базами колонн под платформой.

Помещение XXVIII, расположенное севернее помещения XXVII, смежно с помещениями XXVII, XXIX и коридором. Размеры $11,5 \times 6,75$ м. Связано дверным проемом со двором, но не прямо, а через небольшой коридор, проходивший между внешней стеной и западной стеной помещения XXIX. Как уже указывалось выше, здесь, в западной стене, был сооружен второй вход для обоих комплексов, который вскоре был заложен, и часть коридора была превращена в священную нишу, где были установлены фаллосы и идолы, головки которых впоследствии были отбиты. Рядом с ними обнаружен фрагмент чернолаковой керамики. Вдоль северной стены помещения была сооружена скамья-приступка. Пол образован из утрамбованной земли, перемешанной с галькой, и отдельных туфовых плит. Кроме многочисленных фрагментов керамики здесь найдено большое количество битых и целых зернотерок, подпятник, квадратный камень с округлым отверстием (по-видимому, грузило мотыги), две небольшие ступки и зернотерки. В завале камней найдено несколько идолов-столбиков и голова антропоморфной статуи.

В этом же завале раскопано два детских античных погребения. Первое (№ 114), имевшее округлую форму и представляющее собой вырытую в земле яму размерами $1,2 \times 0,7$ м, обложено небольшими камнями, было засыпано грудой камней, среди которых найдено несколько фрагментов фаллосов. Второе (№ 115), представляющее собой каменный ящик размерами $1,4 \times 0,7$ м, перекрыто двумя плитами и также засыпано камнями, в которых встречены фрагменты фаллосов.

Помещение XXIX расположено севернее помещения XXVIII и смежно с помещениями XV, XXVIII, коридором и нишей помещения XXVIII. Размеры $6,5 \times 3,2$ м. Связано дверным проемом со двором. Пол в восточной части был выложен плитами, а в остальных покрыт утрамбованной землей. В завале камней обнаружено два разбитых фаллоса. В северной стене, со стороны двора, раскопано детское погребение, инвентарь которого был разграблен в древности.

Помещение XXX расположено южнее помещения XXI и смежно с помещениями XXI, XXII, XXXI, XXXVI. Размеры $7,9 \times 5,6$ м. Связано с помещениями XXII, XXXVI, а с одной стороны с нераскопанным по-

мещением, находящимся восточнее основной восточной стены. На пороге дверного проема, ведущего в помещение XXII, уложены две крупные туфовые плиты. Пол помещения к северу несколько покатый. В углу, смежном с помещением XXXVI, был обнаружен вырытый в земле очаг размерами 0,6×0,8 м с выложенными из камней стенками, которые подняты над полом на 0,2 м. В помещении найдено много разнообразной керамики, железный нож, два фрагмента фаллосов высотой 0,5 и 0,95 м, идол-столбик высотой 0,6 м, большое количество каменных чаш, точило и лошало.

Помещение XXXI является продолжением помещения XXX, от которого отделено проском шириной 4 м. Смежно с помещениями XXVI, XXX, XXXII и XXXIII. Размеры 9,5×7,0 м. Пол, как и в помещении XXX, даст перепад на 0,5—0,7 м в направлении к северу.

Кроме разнообразной керамики здесь найдено несколько обломков идолов-столбиков и фаллосов, высота которых достигала 1,2 м, подпятник и каменная чаша. Под южной стеной обнаружена каменная база размерами 0,3×0,4×0,36 м, по-видимому, перенесенная сюда из помещения XXV. В углу, примыкающем к помещениям XXIII и XXVI, раскопано два больших склепа, сложенных из небольших камней на глиняном растворе.

Помещение XXXII расположено южнее помещения XXXI и смежно с помещениями XXIII, XXXI, XXXIII. Размеры 7,0×3,8 м. Связано дверными проемами с помещениями XXXII и XXXIII. На пороге дверного проема, ведущего в помещение XXIII, уложены большие каменные плиты. Здесь найдено большое количество керамики и фрагмент прямоугольной туфовой ванночки.

Помещение XXXIII расположено восточнее помещения XXXII и смежно с помещениями XXXI, XXXII, XXXIV и XXXV. Размеры 7,0×5,5 м. Связано дверными проемами с помещениями XXXII и XXXV. Основание дверного проема, ведущего в помещение XXXII, выложено мелкими камнями, а порог проема, ведущего в помещение XXXV, — крупными плитами. В качестве угловых камней для дверного проема, ведущего в помещение XXXV, служили два фаллоса высотой 0,85 и 1 м, имевших в основании ширину 0,5—0,6 м. В нижней части одного из них имеются округлые выемки, возможно, указывающие на двуполость.

В помещении найдено множество фрагментов разнообразной керамики. В завале камней, упавших со стен, на высоте 0,2—0,5 м от пола найдено большое количество сломанных идолов-столбиков и фаллосов, среди которых четыре имели высоту по 1 м, и большое каменное изваяние, изображающее какое-то животное.

Помещение XXXIV расположено восточнее помещения XXXIII, смежно с помещениями XXXIII и XXXV. Размеры 4,4×3,2 м. Соединено с помещением XXXV дверным проемом, основание которого выложено туфовыми плитами. На полу найдено небольшое количество керамики.

Помещение XXXV расположено севернее помещения XXXIV и смежно с помещениями XXXIII, XXXIV и XXXVI. Размеры 9,0×3,15 м. Связано дверным проемом с помещениями XXXIII, XXXIV и XXXVI. На пороге двери, ведущей в помещение XXXVI, уложены небольшие камни. Найдено большое количество керамики, один идол-столбик и лошало.

Помещение XXXVI, раскопанное частично, расположено севернее помещения XXXV и смежно с помещениями XXX и XXXV. Связано дверными проемами с помещениями XXX и XXXV. Найдено большое количество керамики, а также каменный пестик от ступки, грузило, камennая чаша, отросток рога.

Помещение XXXVII расположено южнее помещения XXXV и смежно с помещениями XXXIV, XXXV. Размеры 10,2×6,4 м. В северной части восточной стены имеется дверной проем шириной 0,8 м, порог которого уложен двумя плитами. Эта дверь не наружная, а ведет в нераскопанное помещение. Раскопками не удалось выявить, является ли южная капитальная стена толщиной в 1,1 м внешней или стеной-крепидой отсека. За ней, с целью выяснения этого вопроса, была проведена траншея длиной 4 м, но поперечных стен пока не обнаружено.

Вторая дверь шириной в 0,9 м, сооруженная в западной стене, ведет в тупиковое помещение XXXVIII. Порог этого дверного проема уложен четырьмя небольшими плитами.

Под центральной частью рассматриваемого помещения XXXVI раскрыта яма диаметром 1,2 м и глубиной 1,5 м.

В этом помещении найдено три фаллоса, четыре идола-столбика и большое количество фрагментов различной керамики.

Особый интерес представляют два каменных изваяния. Одно из них—крупная туфовая плита с полукруглой верхней частью, напоминающая армянские средневековые надгробные камни. Однако в отличие от них в передней части имеется выступ какого-то животного с отбитой головой. С противоположной стороны—узкий выступ, как бы подчеркивающий хвост. На одной боковой стороне из-под шеи отходит рельефно высеченная, согнутая в колене нога животного.

Другую интересную находку представляет бесформенный камень кладки стены, в лицевой поверхности которого высечена конусообразная выемка, из которой рельефно высечена головка быка.

Помещение XXXVIII расположено западнее помещения XXXVII. Смежно с помещениями XXXIII, XXXIV, XXXVII и XXXIX. Размеры 10,7×6,4 м. Соединено дверным проемом с помещением XXXVII. Под северной стеной из туфовых камней сооружена скамья-приступка. Длина 6,5 м, ширина в западной части 1 м, в восточной—0,8 м.

Все внутреннее пространство помещения, почти на всю глубину (2,5 м), было заполнено сползшим с южных склонов холма мелким известковым естественным щебнем. Это служит косвенным доказательством того, что за южной стеной нет других помещений. На полу помещения, в завале камней, упавших с северной стены, было найдено два фаллоса, одно изваяние, наподобие вышеописанного животного в виде надгробного камня, и много фрагментов керамики.

Помещение XXXIX расположено западнее помещения XXXVIII. Смежно с помещениями XXXIII, XXXII и XXXVII. Размеры 9,4×5,4 м.

В отличие от других помещений оно сооружено не в срезе холма, а прямо на склоне. Исходя из этого уровень его пола выше уровня полов других помещений на 1—2,5 м. От стен этого помещения, кроме смежной с помещениями XXXIII и XXXII, сохранились лишь отдельные камни. Найдено несколько фрагментов керамики.

Судя по археологическому материалу и архитектурной планировке оба комплекса, без сомнения, сооружены в первой четверти VII в.

до н. э., в эпоху второго расцвета Урарту, однако несколько позже третьего и четвертого комплексов. Об этом свидетельствуют два урартских погребения, раскрытые в помещении III—одно (№ 3) под полом, другое (№ 4) под внешней северной стеной. Много урартских погребений под стенами и полами найдено и в Аргиштихинили, что объясняется расширением территории города¹¹.

Благодаря раскопкам в Ошакане удалось установить время функционирования этих сооружений. Урартские дворцовые комплексы существовали до начала VI в. до н. э. и, по-видимому, погибли одновременно с Тейшебаини и Аргиштихинили. Но их судьба ближе к судьбе Эребуни, так как в середине VI в. до н. э., в раннеармянскую эпоху сюда пришли новые хозяева, и здания были восстановлены с частичными изменениями внутренней планировки. Однако они также не имели продолжительной жизни, и через 120—150 лет, в конце V в. до н. э., окончательно были разрушены. Через некоторое время эти развалины, как и городские кварталы Тейшебаини, были превращены в античный могильник, где покойников хоронили в погребениях, сооруженных из камней, снятых или упавших со стен дворцовых сооружений.

Все это затрудняет уточнение четкой стратиграфии раскапываемых памятников. Так, культовые памятники эпохи Урарту—антропоморфные статуи, фаллосы и идолы-столбики—были использованы как строительный материал при восстановительных работах раннеармянского времени. Многие каменные изделия—зернотерки, ступки, чаши использовались и новыми хозяевами, а их сломанные части, обнаруженные в завалах камней, образовавшихся при втором разрушении памятника, также применялись как строительный материал.

Внутри помещений как с поверхности земли в виде подъемного материала, так и в слое встречается в большом количестве керамика, относящаяся к четырем группам и датированная тремя хронологическими периодами. Керамика первой и второй групп состоит из фрагментов урартских сосудов и синхронной им местной керамики VII—VI вв. до н. э., частично бытовавшей и в VI—V вв. до н. э. В третью группу входят различные изделия раннеармянского времени, часто встречаемые также при раскопках Эребуни, Аргиштихинили и раннеархеменидских памятников Армении и Закавказья. Четвертая группа представлена фрагментами сосудов античного времени. Как среди подъемного материала, так и в слое одновременно можно обнаружить предметы, относящиеся ко всем четырем группам, что чрезвычайно затрудняет уточнение стратиграфии памятника. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, почти во всех помещениях сооружены античные погребения, во-вторых, эти погребения подвергались ограблению (хотя уже потревоженные слои и не перемешивались, туда бросали черепки разбитых сосудов) и, в-третьих, жители Ошакана на протяжении многих столетий, вплоть до наших дней, извлекали отсюда камни для строительства. Лишь в двух случаях удалось обнаружить непо потревоженные урартские изделия—из ямы № 3 (помещение XV) и из ям и из-под платформ помещений XXVII, между колоннами № 6 и 7.

¹¹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 50. 63.

Металлический инвентарь, найденный при раскопках дворцовых помещений, крайне незначителен. К его числу относится фрагмент кривого железного ножа с однолезвийным клинком и вогнутой спинкой, найденный в яме № 1 помещения XXVI (табл. XXXIV, 1). Подобные ножи хорошо известны по раскопкам Кармир-блур, Топрах-кале и Аргиштихинили¹². Фрагмент железного ножа с прямым односторонним лезвием и с тупой спинкой, со следами небольшого язычка для закрепления рукояти, найден на полу помещения XXX. Подобные ножи, относящиеся к урартской эпохе, известны из Аргиштихинили¹³, но ими пользовались и в раннеармянское время. В частности, аналогичный нож происходит из бердакарской крепости VI—IV вв. до н. э.¹⁴ Это обстоятельство, а также то, что второй нож найден на полу, дают возможность датировать его последним периодом функционирования ошаканских сооружений—V в. до н. э.

В помещении XXIII найден заостренный железный стержень со сломанным концом, назначение которого неясно.

К числу металлических изделий относится также несколько украшений. В яме № 3 двора найден бронзовый браслет, изготовленный из тонкой проволоки. Концы его несколько сплющены и имеют форму змеиной головки. Одна головка сильно заострена, как будто змея высунула жало. Спинка браслета украшена двумя прямоугольными выступами и пересекающимися черточками. Подобные браслеты хорошо известны по находкам в Эребуни и Тейшебаини, а также в местных могильниках рассматриваемого времени (Астхадзор, Ваденис, Кабер и т. д.). В помещении XXX неподалеку от ножа найдены небольшое железное кольцо с петелькой для застегивания на одном конце и бронзовая подвеска-лунница с небольшой петелькой в центре для подвешивания.

Малочисленность металлических изделий не говорит об их отсутствии в древности. Как увидим ниже, во многих помещениях часто встречались каменные точила, свидетельствующие, что здесь широко применялись железные ножи и другие изделия, которые перекопщики в отличие от фрагментов керамики не разбрасывали, а уносили с собой.

Небольшую, но характерную группу образуют каменные изделия—зернотерки, чаши, ступки, лошила и др.

В большом количестве найдены целые и фрагментированные базальтовые зернотерки (длина верхних камней 20—35 см, нижних—30—70 см) двух типов: большие прямоугольные и поменьше—ладьевидной формы, верхние камни которых в основном овальные с плоской рабочей и полукруглой тыльной частью (табл. XVI, 1).

Из пористого базальта и вулканического шлака изготавливались ступки (табл. XXXVI, 3), песты, из речных голышей—терочки и лошила. Три небольшие прямоугольной формы ванночки из туфа, по-видимому, служили кормушками для животных. Найдены также

¹² Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, рис. 47; его же. Кармир-блур, I, Ереван, 1950, рис. 17; А. А. Мартirosян. Аргиштихинили, рис. 89 а.

¹³ А. А. Мартirosян. Аргиштихинили, рис. 89 а.

¹⁴ С. А. Есаян. Древняя культура..., табл. 72.

разнообразные каменные чаши, грубые или хорошо отшлифованные, с небольшим поддоном, хорошо известные по находкам в Эрбунни, Аргиштихинили и Тейшебаини. В эту группу входят два больших корыта длиной до 50—60 см, какие, насколько нам известно, впервые встречаются в урартских памятниках (табл. XVI, 2).

В помещении VII найден грубый чашеобразный предмет из черного туфа, по-видимому, служивший подставкой для остродонных сосудов, какие хорошо известны по материалам Аргиштихинили (табл. XXVIII)¹⁵.

Особенно интересна находка обсидианового вкладыша (табл. XV), составного серпа со слабо ретушированными краями. Подобные серпы, относящиеся к рассматриваемому периоду, часто встречаются в крепостях Северо-Восточной Армении—Тмбадире, Пилор-патс, Сев-сев-кари Тахте и Бердакаре¹⁶. Еще ранее вкладыши составных каменных серпов были найдены Б. А. Куфтиным в погребениях бешташенского могильника¹⁷ и Б. Б. Пиотровским неподалеку от Цовинарской крепости¹⁸. Такие же вкладыши известны из слоев начала I тыс. до н. э. поселений Гарни¹⁹ и Двина²⁰, а также из одного погребения в Ноемберяне, датируемого IX—VIII вв. до н. э.²¹ Находки вкладышей четко показывают, что наряду с железными серпами, имевшими массовое распространение, пережиточно применялись также каменные составные серпы.

Самую большую группу находок из дворцовых комплексов образуют керамические изделия, включающие образцы как урартской и синхронной ей местной черной керамики, так и раннеармянской и античной керамики.

Урартская керамика представлена в основном многочисленными фрагментами различных сосудов, но они настолько малы, что хотя формы сосудов и угадываются, их невозможно восстановить полностью. Однако имеются также более крупные фрагменты частей тулова и венчиков, которые дают четкое представление не только о форме и размерах сосуда, но и о способе ангобирования, форме венчика и т. д.

Карасы представлены фрагментами венчиков и частей тулова красноватого цвета, они имели широкие, плоские в верхней части венчики, под которыми проходил жгутовый или рельефный орнамент (табл. XVII, 1—3,5). Карасы с подобными венчиками широко известны из раскопок крепостей на территории Араратской долины—Эрбунни, Аргиштихинили; особенно много таких сосудов—более 400 экземпляров—найдено в Тейшебаини, где они были врыты в полы винных хранилищ.

¹⁵ А. А. Мартirosян. Аргиштихинили, рис. 40.

¹⁶ С. А. Есаян, Древняя культура..., с. 164.

¹⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 69.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 141.

¹⁹ Э. В. Ханзадян. Гарни, вып. IV, Ереван, 1969, табл. XXXV.

²⁰ С. А. Есаян. Древняя культура..., с. 164.

²¹ Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа. Труды ГИМА, т. V, Ереван, 1959, с. 209.

Ничем не отличаются от описанных сосудов карасы из урартских крепостей Топрах-кала, Каялидере, Айкаберд, Норшун-тепе и др.

Нижние части трех карасов, прислоненные к стене, найдены в помещении XIV, а семь карасов—в помещениях XVII и XXIII. Все они за исключением одного из помещений XVII небольшие, и судя по сохранившимся образцам из помещения XVII имели высоту 1—1,2 м, как аналогичные карасы из Эребуни и Кармир-блур²².

Карас из помещения XVII (рис. табл. XV, 1), имевший высоту 1,5 м и диаметр тулова 1,2 м, на 0,8 м был вкопан в землю. Он был украшен двумя рядами выемчатых треугольников, по 7 фигур в каждом, и жгутовым орнаментом, проходившим вдоль верхней части тулова и под венчиком.

Таким образом, карасы найденные в помещениях Ошаканского дворцового комплекса, делятся на два типа: большие карасы, часто встречающиеся в урартских крепостях, предназначенные для хранения вина и зерна, и сравнительно маленькие. Последние имеют аналогии в Эребуни и Тейшебаини, но типологически ближе к образцам из Эребуни.

В заключение необходимо остановиться на фрагменте караса из помещения VIII, украшенного жгутовым орнаментом. В его верхней части сохранилась иероглифическая надпись в виде четырех кружочков, обозначающих урартскую меру объема—четыре акархи (около 1000 литров), которая в отличие от других урартских иероглифов написана не по вертикали, а по горизонтали, что, насколько нам известно, встречается впервые.

Следующую группу урартской керамики составляют *кувшины*. Несколько ручек одноручных красноангобированных кувшинов (табл. XVII, 6) найдено в яме №4 помещения XXVII. Мелкие фрагменты таких ручек обнаружены также в помещениях IV, XIX, XXI и др. Кувшины с подобными ручками хорошо известны из Кармир-блур, где лишь в одном небольшом складском помещении (№29) было найдено более 1000 экземпляров²³. При раскопках Кармир-блур обнаружен бронзовый сосуд, повторяющий форму этих керамических изделий²⁴. Подобные кувшины найдены в Аргиштихинили²⁵, Эребуни²⁶, Айкаберде²⁷, Топрак-Кале, Бастане, Северо-Западном Иране²⁸ и других урартских памятниках.

В помещении IX б найден фрагмент лощеного красноангобированного одноручного кувшина с округлым венчиком, ручка которого отходила от края венчика к основанию шейки (табл. XVII, 11). Подобные кувшины также были широко распространены в урартском керамическом производстве и в большом количестве представлены в

²² С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, табл. XX; вып. III, табл. XXXVIII.

²³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 12.

²⁴ Там же, с. 10.

²⁵ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 144, рис. 81.

²⁶ Գ. Իսախանյան, Հրեբունի բերդ-քաղաքի պեղումները, Երևան, 1971, աղ. XVII.

²⁷ Atif Erzen. Cavus tepe, I. Ankara. 1978, табл. XLII(a, в).

²⁸ Louis Vanden Berghe et Leon de Meyer, Urarty, Gent, 1982—1983, рис. 195—201.

перечисленных памятниках. Несколько фрагментов больших широкогорлых безручных кувшинов со вздутым или округлым туловом, покрытых красным или желтым ангобом с хорошо сохранившимся лощением, найдено в помещении XXV и яме №4 помещения XXVII (табл. XVII, 8, 9, 12). Венчики округлые или слегка косо срезанные, дно плоское. Подобные сосуды также часто встречаются во всех урартских памятниках. Фрагмент большого горшка со вздутым туловом и округлым венчиком найден в помещении XXV (табл. XVII, 7). Поверхность бурая со следами сажи. На одном плечике сохранилось сквозное отверстие.

В помещении XXXIII обнаружен фрагмент небольшого тигля с массивными стенками красноватого цвета (табл. XVII, 15), относящегося к числу сравнительно редко встречаемых изделий. Он изготовлен из хорошо отмученной глины; тулово округло поднимается от округлого же днища; венчик срезан. Отдельные образцы тиглей известны из раскопок Кармир-блур.

К столь же редко встречаемым предметам относится красноангобированный сосуд, фрагмент которого найден в помещении III (табл. XVII, 13). На нем слабо вдавленными линиями нанесено изображение какого-то предмета, встречающееся на отдельных сосудах из Каялидере²⁹. В. А. Вайман считает, что это бурдюк—мера жидкого акарки³⁰.

При раскопках урартских сооружений найдены разнообразные миски, которые делятся на несколько групп.

К *первой группе* относятся краснолощенные миски с округлым туловом, переходящим в вогнутый вовнутрь округлый или заостренный венчик. В помещении XXV найдена чернолощенная миска с таким же туловом и широким плоским дном (табл. XVIII, 1—4). Согласно С. Кролю подобные миски встречены в Узуб-тепе, Азагу Куруле и других урартских памятниках Ирана³¹. Известны они также из Айкаберда³², Аргиштихинили³³, Кармир-блур и других урартских памятников.

К *второй группе* относятся миски со скошенными вовнутрь или наружу венчиками. Они в основном красноангобированные с хорошим лощением; на некоторых экземплярах встречаются бурые пятна. Миска из помещения XXI отличается от остальных более светлым оттенком, а внутренняя сторона миски из помещения IX б, с округло вдавленным доннышком, лишена лощения. Исключение составляет миска из помещения II, окрашенная снаружи в желтый цвет и покрытая бурыми пятнами, а изнутри, как и все остальные, краснолощенная (табл. XVIII, 5—13, 16, 17). В желтый цвет окрашена и нижняя часть миски из помещения XVI. Миски этого типа бытовали длительное время, о чем свидетельствует керамический материал из погребения №25 Ошакана. Подобные миски хорошо известны из Кармир-блур и

²⁹ C. A. Barney, A first season of excavations at the Urartian citadel of Kayalidere, Anatolian Studies, vol. XVI, Ankara, 1966, табл. XVI.

³⁰ В. А. Вайман. Урартская иероглифика: расшифровка знака и чтение отдельных надписей. В сб. «Культура Востока. Древность и средневековье», Л., 1978, с. 100.

³¹ S. Kroll. Keramik Urartäischer Festungen in Iran, Berlin, 1971, табл. 16, 17.

³² Afif Erzen. Указ соч., рис. 36/4.

³³ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 17.

Аргиштихинили. Встречены они и в урартских памятниках Ирана—Узуб-тепе, Ливар, Сангар-кале, Маленджина и др.³⁴

Третья группа представлена глубокими мисками с заостренным или прямым округлым венчиком. На образце из помещения XVI, покрытом желтым ангобом, имеются бурые пятна (табл. XVIII, 17), образец из помещения X, с округлым вдавленным дном, краснолощенный (табл. XVIII, 18).

Единичным экземпляром представлена глубокая миска с округлыми бортами и широким расширяющимся венчиком помещения X, покрытая глубокими вдавленными линиями, придающими ей рифленую форму. На тулове вдавленной линией прочерчен полумесяц (табл. XVIII, 15). Подобные миски в небольшом количестве найдены в Кармир-блуре³⁵.

Также единичным экземпляром представлена глубокая одноручная миска, покрытая бледно-красным ангобом, фрагмент которой, вымазанный сажей, обнаружен в помещении XVI. Ручка, начинающаяся от края венчика, отходит к почти прямому борту (табл. XVII, 10).

В сравнительно большом количестве представлены большие миски с округлым туловом, слабо профилированными бортами и округло выступающим венчиком (табл. XIX, 1—16). Все сосуды красноангобированные, с лощеной поверхностью. Исключение составляют две миски грубой ручной лепки бурого цвета (табл. XIX, 7) и одна миска, покрытая желтым ангобом (табл. XIX, 11), найденные в помещении XXXV. Несколько отличаются также краснолощенная миска из помещения VIII (табл. XIX, 10), внутренняя сторона которой покрыта черной краской и вылощена, и миска из помещения XXVII с краснолощенной верхней частью, нижняя часть которой, как и отдельные образцы второй группы, покрыта желтым ангобом. В эту группу условно можно включить фрагмент такой же красноангобированной миски с клеймом мастера в виде кружочка, часто встречающимся на керамике из Кармир-блур. Миски этой группы являются одними из самых распространенных в керамическом производстве Урарту. Они хорошо известны из раскопок Кармир-блур³⁶, Эребуни³⁷, Аргиштихинили³⁸, Ай-каберда³⁹, а также Рент-кале, Оглу-кале, Узуб-тепе, Хоя, Гиз-Кале и других урартских памятников Ирана⁴⁰.

Таким образом, урартская керамика встречается почти во всех помещениях обоих комплексов, хотя и не отличается большим разнообразием. Особенно большую группу составляют различные миски,

³⁴ S. Kroll. Указ. соч., табл. 16, 24, 27, 28.

³⁵ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, I, Ереван, 1964, табл. IX, рис. 4.

³⁶ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 45; Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. III, Ереван, 1972, табл. XXXIX.

³⁷ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, Ереван, 1967, табл. XVIII—XIX.

³⁸ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 21, 65.

³⁹ Aflf Erzen Указ. соч., рис. 36, 35(5, 6) и др.

⁴⁰ S. Kroll Указ. соч., табл. 8, 12, 14, 16, 20 и послед.

характерные для памятников последнего периода Урарту, в частности, Кармир-блур, что имеет решающее значение для уточнения времени функционирования рассматриваемых комплексов. Характерным отличием урартской керамики Ошакана является то, что основная масса изделий красного цвета, хорошо ангобирована и имеет прекрасное лощение, а грубых слабо ангобированных сосудов мало. Необходимо отметить, что наряду с ними встречаются отдельные сосуды, покрытые желтым или красным и желтым, иногда и черным ангобом. То же самое, как увидим, наблюдается и в материалах погребения № 25, которые датируются поздней эпохой Урарту. Сосуды этого типа переносно сохраняются до середины VI в. до н. э.

Наряду с урартской керамикой в значительной мере, даже превышая ее количественно, бытовала местная черная керамика, которая, как отметил Б. Б. Пиотровский, встречается в Тейшебаини, образуя третью группу кармирблурской керамики, имеющей аналогии в могильниках VII—VI вв. из Лори-Севанского бассейна и других мест⁴¹.

Местная черная керамика из Ошакана разнообразна и имеет аналогии не только в памятниках, для которых характерна местная керамика Кармир-блур, но и во многих других недавно обнаруженных памятниках Армении, что особенно важно, в погребениях Ошаканского могильника, где похоронены люди, обслуживавшие урартские комплексы Ошакана.

Местная черная керамика делится на несколько групп.

Первую группу составляют одноручные кувшины, представленные фрагментарно. К числу их относится одноручный кувшин с отогнутым венчиком, фрагмент шейки которого найден в помещении XI. Ручка, начинаясь от края венчика, отходила к основанию шейки и была снабжена вертикальной прорезью и ступенчатыми углублениями. Шейка украшена вертикальными линиями (табл. XX, 1).

Подобные ручки найдены также в помещениях XX и XXII (табл. XX, 4, 6), причем ручка коричневого цвета с гладкой прорезью из помещения XXII, обнаруженная во втором верхнем слое на платформе с очагом, свидетельствует, что сосуды с подобными ручками доживают до V в. до н. э.

Ручка кувшина из помещения XXV напоминает витые ручки из трех жгутов, хорошо известные по памятникам VII—VI вв. до н. э. (табл. XX, 5). Ручки подобного типа часто встречаются в Кармир-блуре, Хртаноце, Астхиблуре и других памятниках рассматриваемого времени.

Другую группу местных сосудов образуют *горшки* черного цвета с красными или бурыми пятнами, реже красного цвета с черными пятнами, представленные фрагментами из помещений XVI, XXI, XXII, XXVIII и XXIX. Они в основном имели округлые вздутые, реже вытянутые тулова с низкими шейками и широкими отогнутыми венчиками. В основном сосуды гладкие, лишь некоторые украшены косым ногтевым или семячковым орнаментом (табл. XX, 7—9; табл. XXI, 1—6, 9).

⁴¹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, с. 193.

Небольшой группой представлены миски. Две глубокие черные миски со слабо профилированными бортами и округлым венчиком найдены в помещениях XXII (яма № 2) и XXIII (табл. XXI, 7, 8). На одном плечике третьего образца—глубокой черной миски, покрытой красными пятнами, с округлым венчиком, помещена вертикально поставленная округлая ручка (табл. XX, 2).

Серая лощеная миска с невысоким туловом, чуть округлыми бортами, вогнутым венчиком и округлым вдавленным доньшком найдена в помещении XXVII. Под венчиком проходит вдавленная линия, а тулово украшено вертикальными штрихами (табл. XXIV, 9). Первые три миски имеют архаические формы и датируются VII—VI вв. до н. э.; последняя найдена в верхнем слое помещения XXVII и относится к VI—V вв. до н. э.

Самую большую группу местной керамики VII—VI вв. до н. э. составляют *большие кувшины и небольшие карасы* преимущественно черного цвета с красными или бурыми пятнами, фрагменты которых найдены в помещениях VII, VIII, XVI, XX; XXII, XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXII и XXXIII. Встречаются также экземпляры серого, реже коричневого или желтоватого цвета. Большинство сосудов толстостенные, украшены рельефными поясками и вдавленным семячковидным ногтевым орнаментом, а также многорядными волнистыми линиями, нанесенными гребенчатым штампом. Иногда встречается орнамент в виде вдавленных полукружий. Эти сосуды предназначались для хранения пищевых продуктов, о чем можно судить как по количеству найденных образцов, так и по тому, что они в основном обнаружены во втором комплексе, служившем хозяйственным нуждам обоих комплексов (табл. XXI, 10—12, табл. XXII, 1—8; табл. XXIII, 1—12, табл. XXIV, 1—8, 10).

Подобная керамика была широко распространена повсеместно в крепостях и поселениях Армении VII—VI вв. до н. э.—Айгеване, Мохраблуре, Кармир-блуре, Армавире и др. и, как правило, почти без всяких изменений бытовала и в VI—V вв. до н. э. В самом Ошакане эти сосуды встречаются как в слое VII (ямы помещения XXII, помещения XXIX, XXVII), так и в смешанных слоях, что дает возможность говорить об их бытовании и во втором периоде функционирования этих комплексов, однако мы рассмотрим их во избежание повторов с изделиями VII—VI вв. до н. э.

Раннеармянская керамика дворцовых сооружений Ошакана представлена фрагментами красноангобированных сосудов с блестящей или матовой поверхностью—разнообразными кувшинами, мисками и др., характерными для Араратской долины и других местностей (Севанский бассейн), где существовали урартские крепости и поселения.

Фрагменты кувшинов в основном представляют собой ручки различных форм, круглые или прямоугольные в сечении, с блестящей красноангобированной поверхностью (табл. XXV, 1—11). Встречаются образцы бледно-красного цвета, переходящего в желтоватый. В основном ручки гладкие, лишь две имеют глубокие вертикальные пазы (табл. XXV, 3, 11), отдаленно напоминая ручки одноручных урартских кувшинов, а одна снабжена небольшим шипастым выступом (табл. XXV, 7). Исключение составляет ручка коричневого цвета, украшенная вертикально расположенными овальными выемками (табл. XXV,

8). Найдены также части двух хорошо ангобированных двуручных кубков бледно-красного цвета с вытянутыми туловами и двумя круглыми и в сечении гладкими дугообразными ручками, снабженных шипастыми выступами (табл. XXVI, 1, 2). Такие кубки, появившиеся еще в урартскую эпоху, продолжали бытовать и в рассматриваемое время, о чем свидетельствуют находки аналогичных сосудов из раннеармянских погребений Тейшебаини⁴² и раннеахеменидских слоев в Эребуни⁴³. О широком распространении таких сосудов в раннеармянское время можно судить и по рельефу дворца Ксеркса в Персеполе, на котором изображены армяне с подобными кубками в руках, подносящие дань персидскому царю⁴⁴.

К керамике этой эпохи относится также небольшая группа безручных кувшинов красного или бледно-коричневого цвета со вздутыми или расширяющимися кверху туловами, суженными или прямыми шейками и прямыми или отогнутыми округлыми венчиками (табл. XXVI, 4, 10, 12; табл. XXVII, 1, 2). Все они, как правило, хорошо ангобированы и лишены орнаментации, кроме двух сосудов (табл. XXVI, 4, 7), украшенных прямыми и волнистыми линиями.

Самую многочисленную группу керамики рассматриваемого времени составляют миски различных форм. Среди них выделяются две красные хорошо ангобированные фиалы с резко профилированными бортами (табл. XXVII, 4, 5). Подобные фиалы в Армении и Закавказье хорошо известны по находкам в Гарни, Тейшебаини, Джрарате, Норашене, Айруме, Берде, Армавире, Кировабаде, Мингечауре и др.⁴⁵ Металлические фиалы близкой формы известны из Бешташена, Ахалгорийского и Алгетского кладов⁴⁶ и Персеполя⁴⁷.

Фиалы, как и другие керамические изделия, находят свои аналоги в керамике предшествующего времени, в частности, они схожи с чашами-фиалами урартского времени, которые были очень широко распространены в Армении, Закавказье и Иране и дожили в Гарни до I в.⁴⁸

Миски раннеармянского времени делятся на две большие группы—широкие, плоские и небольшие глубокие. По форме венчиков выделяются миски с округлыми или заостренными венчиками (табл. XXVIII, 1—7) и миски с отогнутыми как наружу, так и вовнутрь венчиками (табл. XXVII, 10—15; табл. XXVIII, 9—12). Сосуды обоих видов совпадают с урартскими.

⁴² А. А. Мартirosян. Город Тейшебаини.

⁴³ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. II, Ереван, 1967, табл. XXVII, рис. 2.

⁴⁴ E. Schmidt. Persepolis, I, Chicago, 1953, табл. 29 A и B.

⁴⁵ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тиранян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, № 8, 1961, с. 76; А. А. Мартirosян. Город Тейшебаини, с. 144; С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, с. 156; Раскопки Г. О. Розендорфа близ г. Елизаветполя и селения Еленендорф. ОАК за 1903 г., с. 92; В. А. Спицин. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, с. 6; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, с. 149—160.

⁴⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тriaлетии, с. 46.

⁴⁷ E. Schmidt, Persepolis, Chicago, 1967, табл. 68.

⁴⁸ Г. А. Тиранян. Урарту и Армения. ВОН АН АрмССР, 1968, № 2, с. 19; А. А. Мартirosян. Аргиштихинили, с. 6.

Миски, как правило, красноангобированные, с хорошим лощением, хотя в отличие от урартских образцов встречаются сосуды слабо-красного, желтоватого и серого цвета, зачастую лишенные лощения. Найдено также большое количество глубоких мисок с сильно отогнутыми заостренными или округлыми небольшими венчиками; подобные не встречается среди мисок предшествующего времени (табл. XXVII, 13—16).

Тигли представляют собой небольшие толстостенные сильно обожженные сосуды с матовой черной поверхностью, один с почти прямыми слегка вогнутыми стенками (табл. XXIV, 12), другой яйцевидный с небольшим сливом (табл. XXVI, 3).

Большое значение для определения времени функционирования всех дворцовых комплексов имеет открытая чаша, изготовленная из тщательно отмученной оранжево-охристой глины, от которой сохранился небольшой фрагмент шортика (табл. XXIX). Переход от венчика к корпусу образует небольшой выступ. Изнутри, до среза венчика включительно, он покрыт черным лаком; снаружи по охристому ангобу тем же лаком нанесена роспись; выступ под венчиком подчеркнут узкой черной линией; нижняя часть фрагмента также покрыта лаком. Между этими поясками на фоне ангоба помещена выполненная десятилепестковая вертикальная пальметка с пурпуровым «пестиком». Стебель пальметки, загибаясь вверх, заходит в зону, где, судя по насечке, на поверхности черепка была укреплена ручка чаши.

Прямые аналоги по качеству глины, форме и росписи ошаканской фрагмент находит среди образцов античной чернофигурной керамики аттического производства, в группе киликов-чаш для вина, одной из наиболее распространенных форм греческой столовой посуды. На протяжении многих веков форма и роспись киликов подвергалась различным изменениям, детальное изучение которых позволило провести их хронологическую классификацию, а в ряде случаев определить авторство. Декор и морфологическая специфика рассматриваемого фрагмента роднят его с мелкофигурными киликами типа «венчиковых» (рис. 49), для которых характерны акцентрированный переход от чуть отогнутого наружу венца к корпусу, довольно высокая ножка на основании с плоским поддоном и две диаметрально расположенные загнутые вверх петлевидные ручки, укрепленные непосредственно под венчиком. Роспись этих киликов довольно проста, но очень изящна. Под венчиком проходит тонкая лента, нанесенная черным лаком, лаком закрашена также нижняя половина корпуса, включая ножку, ее основание и ручки, за исключением узкого пояска в месте соединения с ножкой. Срез основания и поддон покрытия не имеют. Снаружи венчик обычно бывает украшен тонко очерченными фигурками птиц (преимущественно петушков) и зверей, реже встречаются изображения людей, божеств, сцены кентавромахии и т. д. На нижнем «фризе» под венчиком расположены отходящие от ручек пальметки, между которыми нередко помещена надпись с именем вазописца. Изнутри большинство образцов имеет сплошное лаковое покрытие, незакрашенным остается лишь небольшой диск на дне чаши, обычно украшенный па-

⁴⁹ J. D. Beazley, Little—Master Cups, „The Journal of Hellenic Studies“, vol. LII, p. II, London, 1932, с. 167—168, R. M. Cook, Greek pottery painted, London, 1960, с. 80, табл. 25A.

рой концентрических колец⁵⁰. Декорировка киликов выполнена черным лаком, с частичным применением пурпуровой, реже белой краски. Возникновение данного стиля росписи, просуществовавшего около 30 лет, относится к 560 г. до н. э.⁵¹ Имена некоторых вазописцев Аттики дошли до нас благодаря надписям на киликах. Известны, в частности, изделия, подписанные Тлесоном, сыном Неарха, Гермогеном и др.⁵² К росписи мелкофигурных киликов рассмотренного типа обращался и один из наиболее выдающихся представителей аттической чернофигурной вазописи—Экзегий⁵³.

Ставший популярным в Аттике тип киликов вскоре был заимствован и другими центрами керамического производства античного мира. Но роспись этих подражаний, в частности, ионикских мелкофигурных чаш, более эклектична, здесь нередко слиты воедино различные типы и варианты аттических декоров⁵⁴.

Фрагмент килика из Ошакана является пока еще единственной находкой ранней античной керамики в северо-восточном регионе исторической территории Армении, чем и объясняет большой к нему интерес. Однако, несмотря на свою уникальность, находка эта не представляется случайной. Ведь именно во второй половине VI в. до н. э. благодаря завоеванию Киrom Великим Малой Азии держава Ахеменидов, в состав которой входила и Армения (XIII—XVIII сатрапии), установила непосредственный контакт с Грецией и греческой культурой. Взаимные связи осуществлялись при содействии греческих городов Ионийского побережья (Милет, Эфес, Смирна и др.), подчинившихся персидскому владычеству.

О причастности Армении к этим связям наряду с ошаканским киликом свидетельствуют две милетские серебряные монеты V в. до н. э. из Эребуни и афинская тетрадрахма того же времени, найденная в Сисиане⁵⁵. К сожалению, ограниченный объем археологической информации препятствует изучению масштабов и специфики отношений (несомненно, опосредствованных) Армении с Грецией в VI—V вв. до н. э. Подобное исследование осложняется и слабой изученностью памятников южных и западных областей древней Армении.

Античная керамика, найденная при раскопках дворцовых поселений, как указывалось выше, по-видимому, попала в слой из разграбленных в древности погребений. Однако она встречается как на дневной поверхности, так и в нижних слоях па полу помещений, что свидетельствует также о перекопке помещений, производящейся большей частью при извлечении камней.

⁵⁰ J. D. Beazley. Указ соч., с. 168—169, табл. I—IX.

⁵¹ J. Boardman, Athenelen Black figure vases, „The World of Art Library“, London, 1974, с. 59, табл. 113; 115; R. M. Cook. Указ соч., с. 80.

⁵² J. D. Beazley. Указ. соч., с. 169—204.

⁵³ R. M. Cook. Указ соч., с. 80; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 140—141.

⁵⁴ R. M. Cook. Указ соч., с. 130—131.

⁵⁵ X. М. Мушегян. К истории денежного обращения античной Армении. В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Союза. М., 1978, с. 135—136.

Античная керамика представлена остатками урн-кувшинов, в которых производились захоронения и которые попали в слон после того, как были разбиты при разграблении. К числу их относятся фрагменты большого широкогорлого кувшина, безручного кувшина бледно-коричневого цвета с массивными стенками и красноватой подкладкой (табл. XXX, 5) и безручного кувшина бурого цвета с низкой шейкой и слегка скошенным венчиком (табл. XXX, 6).

Интересны находки ручек больших кувшинов или небольших карасов, покрытых темно-красным (табл. XXX, 10) или желтоватым (табл. XXX, 9) ангобом. Эти ручки по форме несколько напоминают ручки вышеописанных двуручных кувшинов-кубков урартской и раннеармянской эпох, но больше них. Ручки таких размеров, насколько нам известно, впервые встречаются в материальной культуре Армении рассматриваемой поры. Их величина говорит о том, что эти кувшины-кубки применялись как погребальные урны. Эти находки, как и античные карасные захоронения, о которых речь пойдет ниже, подтверждают, что в античной Армении не делали специальных погребальных урн, а захоронения производились в обычной бытовой и даже парадной керамике, соответствующей возрасту погребенного.

К числу античной керамики относятся также разнообразные горшки, представленные почти полностью сохранившимся небольшим сосудом бурого цвета, покрытым густым слоем сажи, с шаровидным туловом, чуть заметной шейкой и небольшим округлым венчиком, явно кухонного назначения (табл. XXX, 1), фрагментами близких по форме горшков того же цвета, часть которых имеет более четко отмеченные шейки (табл. XXX, 8; табл. XXXIV, 13), и более крупным сосудом, украшенным семячковидным орнаментом (табл. XXXI, 2; табл. XXXIII, 1).

Кроме фрагментов горшков, найдены фрагменты частей тулова больших сосудов красного (табл. XXXI, 1, 6) и кремового (табл. XXXI, 4) цвета, украшенных рельефными поясками с овальными выемками. Интересен фрагмент сосуда со слегка биконическим туловом и округлым венчиком, покрытый красным ангобом (табл. XXXII, 1). Единичным экземпляром представлен слив чайника, покрытый красным ангобом с хорошим лощением (табл. XXX, 3).

Самую большую группу античной керамики образуют фрагменты разнообразных мисок красного, розового и вишневого цвета. Один сосуд, представленный в сильно фрагментированном виде, снаружи был покрыт темно-красным ангобом, а изнутри — светлым, на который красной краской были нанесены две горизонтальные полосы. Это небольшие глубокие (табл. XXXI, 5; табл. XXXIII, 12—14; табл. XXXIV, 9, 12) и плоские (табл. XXX, 7; табл. XXXI, 7, 8; табл. XXXII, 3; табл. XXXIII, 2—11, табл. XXXIV, 4, 5, 7, 8, 10, 14, 15) миски с округлым туловом, загнутыми вовнутрь или наружу тонкими заостренными венчиками или слабо профилированными бортами.

В большом количестве найдены единичные сосуды, отличающиеся своими формами от остальных.

К их числу относятся фрагмент тулова фляги, покрытый ангобом кремового цвета, на который красной краской нанесен орнамент в виде круга с отходящими от него прямыми отростками (табл. XXXII, 5), небольшая солонка бурого цвета с отогнутым венчиком и толстым

днищем (табл. XXX, 2) и небольшая черная кружка с красновагыми пятнами, с высоким поддоном и прищемленным венчиком, образующим небольшой слив, ручка которой начинается от края венчика и отходит к основанию шейки (табл. XXX, 4). Вся эта керамика находит свои аналоги в керамике античной Армении и Закавказья, однако мы не анализируем ее, так как в последней главе, посвященной античным погребениям, такие же сосуды, но лучшей сохранности, подвергнуты тщательному анализу.

В заключение необходимо остановиться еще на одной небольшой группе изделий, обнаруженных в непосредственной близости погребений. В помещении XI в верхней части ямы найдено два фрагмента из голубого стекла, выпавшие из провалившегося пола погребения № 14. На них сохранился довольно небрежный орнамент в виде белой и желтой волнистых лент, полученных методом нанесения тонких стеклянных нитей на горячую основу сосуда, с дальнейшим повторным подогревом уже готового изделия. Подобная техника декорирования, весьма распространенная в античном мире, широко применялась в производстве так называемых «финикийских» флаконов, находки которых зарегистрированы во многих памятниках Армении⁵⁶. Однако ошаканский экземпляр как по цвету основы, так и по форме, насколько можно судить по обломкам, резко отличается от «финикийских» алебастров. Не имеет он прямых аналогий и в комплексе импортного стекла Армении. К сожалению, крайне неудовлетворительная сохранность сосуда не позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать его облик и определить технику изготовления. Все это в конечном счете затрудняет точную датировку находки. Все же, учитывая период наибольшего распространения примененного декора и некоторые разрозненные сопровождающие материалы, можно отнести ошаканский сосуд к позднеэллинистическому времени. Происходит он, видимо, из сиро-финикийского стекольного региона.

Рядом с разграбленным погребением № 116, расположенным в дверном проеме помещения XXVII на высоте 35 см от пола, найдена отбитая ручка красного цвета в виде голоски коня с четко отмеченными глазами и небольшими торчащими ушами. Здесь же обнаружены половинка каменной пуговицы и подвеска треугольной формы со сломанным ушком, поверхность которой украшена кружковым орнаментом (табл. XXXIV, 2, 3, 6). Все эти предметы явно были выброшены из погребения при разграблении.

Кроме предметов материальной культуры при раскопках дворцовых комплексов обнаружено большое количество культовых памятников—изваяний и святилищ, которые рассматриваются по своим функциональным назначениям.

Культовые изваяния в виде различных антропоморфных статуй фаллосов и идолов-столбиков и зооморфной скульптуры представлены различными образцами, которые, как указывалось при описании помещений, найдены в кладке стен или в завалах упавших камней, что затрудняет определение их культовой принадлежности.

Антропоморфные изваяния объемные с круглой головой, но лица и поверхность плоские.

⁵⁶ Ж. Д. Хачатрян. Стеклоделие в древней Армении (II—I вв. до н. э.). ИФЖ: 1975, № 1, с. 248—251, рис. 1, табл. I, 1, 6, 7.

Одна статуя найдена под стеной помещения XX в завале камней, упавших со стен. От нее сохранилась только голова с ровным верхом. Четко отмечен высокий лоб, длинный прямой нос, глубокие выемчатые глаза и уши (табл. XXXV, 1, XXXVII, 1).

Другая статуя из помещения XVI. От нее сохранились лишь нижняя часть головы и расширяющийся книзу торс в виде круглого столбика.

От третьей статуи, найденной в центре помещения XXVIII также в завале камней, сохранилась лишь голова. На плоском лице четко очерчен лоб, нос прямой, глаза обозначены глубокими впадинами. Особый интерес представляют небольшие уши с подвешенными серьгами, подчеркнутыми рельефными линиями (табл. XXX, 2).

Четвертая статуя с округлой головой найдена в верхней части помещения XXVII, смежной с помещением XVII. На плоском лице выступает крупный нос, круглые глаза едва намечены, рот прямой (табл. XXXV, 3).

От последней статуи, найденной в помещении XXI, сохранился лишь торс с нижней частью головы. Шея украшена полукруглыми линиями, имитирующими ожерелье (табл. XXXV, 4).

Как видим, все статуи найдены в завалах камней или в стене. Очевидно, что во второй период функционирования ошаканского дворца они уже не были предметами поклонения и использовались как строительный материал. Из-за этого обстоятельства очень трудно определить, с каким культом они были связаны. Однако находки аналогичных статуй в Кармир-блуре, Аргиштихинили, Кармир-берде, Кировакане, Базмаберде и других памятниках Армении эпохи поздней бронзы и железа, часть которых украшена свастиками⁵⁷, позволяют предполагать, что ошаканские статуи были посвящены культу солнца. В то же время могли почитаться и как боги плодородия и домашнего очага, поскольку в помещениях, где они были обнаружены, найдено большое количество зерновых ям и карасов.

Ко второму типу культовых памятников Ошакана относится каменный идол из черного туфа, найденный у дверей помещения XXVI и представляющий собой фигуру сидящей женщины с узкой талией, широкими округлыми плечами и небольшим выступом, имитирующим голову. По форме он сближается с образцами, хорошо известными из доурартского поселения Кармир-блур, которые, по мнению А. А. Мартиросяна, были связаны с культом плодородия и домашнего очага⁵⁸. Несколько отдаленнее ошаканский идол связывается с глиняными статуями из Мецамора и фигурами из Хови и Дигоми, имеющими такие же боковые выемки, подчеркивающие талию⁵⁹. Этот идол, как и идолы, найденные ранее в Эребуни и Аргиштихинили, показывает, что в урартских крепостях и поселениях до VI в. до н. э. наряду с урартскими официальными богами почитались и статуи местных богов.

К третьему типу культовых памятников Ошакана относятся фал-

⁵⁷ С. А. Есаян. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, с. 22—23, 30.

⁵⁸ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 74.

⁵⁹ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсаян. Мецамор. Ереван, 1973, с. 191.

лосы (табл. XXXV, 6—10), изготовленные из красного, рыжевато- или черного туфа, установленные в священных углах, около ям, карасов и у дверей помещений. Все фаллосы были разбиты еще в древности, и при раскопках найдены раздельно или головки, или стержни; иногда они, как и статуи, обнаруживаются в кладках стен или дверных проемов, реконструированных в V в. до н. э. Это обстоятельство четко показывает, что после гибели урартского государства культ фаллоса в Ошакане перестал существовать, хотя отдельные экземпляры известны в Армении в их античных памятниках. Вместе с тем в трех случаях—в помещении VII, священной пище двора и в помещении XXIII—разбитые фаллосы стояли на своих местах, свидетельствуя о том, что новые хозяева ошаканских дворцовых комплексов не всегда убирали фигуры старых богов, а ограничивались лишь тем, что разбивали их.

Кроме помещения VII первого комплекса фаллосы найдены и в других помещениях—VIII, XII (2 экземпляра), XIII и XIV. Значительно больше их найдено во втором комплексе. В помещении XVII рядом с тремя большими урартскими карасами и очагом обнаружены три крупные головки фаллосов, одна из которых достигала 1 м. По три фаллоса найдено в помещениях XVIII, XIX, XX, XXIII, XXIV и XXVIII.

В помещении XXIII разбитый фаллос без головки, как и в помещении VII, стоял в центре, напротив четырех карасов, вкопанных в землю, а другой валялся у южной стены. В этом же помещении в кладку стены дверного проема была положена головка фаллоса длиной в 0,9 м. Судя по соотношению головок и стержней всех известных в Ошакане фаллосов (1:3), высота этого экземпляра должна была составить почти 3 м. Фаллос такого размера, насколько нам известно, впервые засвидетельствован в памятниках Армении и Закавказья.

Наиболее интересной находкой является головка фаллоса, обнаруженная в центре южной части помещения XXVI в завале камней стен на высоте 0,6 м от пола. На одной ее стороне изображено человеческое лицо с четко отмеченным крупным прямым носом, большими глазами и небольшими рельефными ушами.

Находки фаллосов, часто более одного экземпляра, почти во всех помещениях второго комплекса, свидетельствуют об их широком бытовании в урартское время, что пока не зафиксировано в других урартских памятниках.

До раскопок Ошаканского памятника фаллосы в основном были найдены на могильных плитах или в погребениях. По мнению Е. А. Лалаянца и Т. С. Хачатряна, эти каменные изваяния должны были оберегать погребенного от воздействия злых духов⁶⁰. А. А. Мартиросян и С. А. Есаян полагают, что фаллосы, символизирующие культ плодородия, будучи оберегом в погребальном обряде, продолжают символизировать также идею плодородия с заботой о продолжении рода и его благополучии⁶¹. В основе этого мистического акта лежат представления

⁶⁰ Ե. Ա. Լալայան, Դավաճանի պեղումները ևորդային Հայաստանում, Երևան, 1931, էջ 201—216; Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. с. 150.

⁶¹ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 84; С. А. Есаян. Скульптура древней Армении, с. 36.

об обратимости, о смерти и воскресении. Что же касается фаллосов, установленных в помещениях, то они без сомнения символизируют культ плодородия, солнца, домашнего очага и благополучия.

С этой точки зрения очень интересен фаллос с человеческим лицом (табл. XXXV, 6) из помещения XXVI Ошакана, символизирующий бога плодородия. Хотя обычно фаллосы в Закавказье встречаются на обширной территории, такие образцы попадаются довольно редко. До настоящего времени в Армении известны один экземпляр из Артика и два беспаспортных экземпляра, хранящихся в Государственном историческом музее Армении⁶². По одному экземпляру происходят из Мугеранского и Урецкого могильников в Дагестане⁶³.

К четвертому типу культовых памятников, обнаруженных в Ошакане, относятся идолы-столбики (табл. XXXV, 11). Это плоские, квадратные или круглые столбики высотой 0,3—0,7 м с округлой или заостренной верхней частью, в основном плохо обтесанные, хотя имеются отдельные образцы с гладкой поверхностью. Несколько идолов-столбиков, как и у фаллосов, в основании имеют неглубокие выемки, указывающие на их двуполость. Идолы-столбики часто попадаются вместе с фаллосами, но иногда встречаются отдельно.

Как и фаллосы, идолы-столбики реже встречались в помещениях первого комплекса и в большом количестве (около 80 шт.) были найдены в помещениях второго. По всей вероятности, в первом комплексе они играли меньшую роль.

В первом комплексе идолы-столбики обнаружены лишь в помещении VII и в нише между двором и помещением XXVIII второго комплекса. Во втором комплексе пять идолов-столбиков найдено в помещении XVIII—два в дверной нише рядом с вкопанным в землю карасом, а три в центре помещения рядом с большой базальтовой ступкой. Идолов найдено в помещении XX в завале камней, упавших со стен. 11 идолов найдено в помещении XXII и по три—в помещениях XIX, XXI, XXIV, XXXVII и т. д.

Большинство идолов-столбиков обнаружено в тех же помещениях второго комплекса, что и фаллосы. По всей вероятности, они также имели культовое назначение и были посвящены богам плодородия и домашнего очага.

К числу культовых памятников Ошакана урартского времени относится хорошо обработанная туфовая плита размерами 1,2×1,25×0,3 м, найденная в северо-западном углу помещения V первого комплекса. Выяснить ее назначение помогают аналогичные памятники Армении и Закавказья, относящиеся к более раннему или позднему времени. В Армении наиболее ранней находкой подобного рода было квадратное сооружение со стороной 1,3 м, выложенное из плоских равносторонних плит и напоминающее очаг, однако без следов золы и пепла, обнаруженных в северо-западном углу помещения I доурартского поселения Кармир-блур. В его северную стенку с внутренней стороны была вделана продолговатая хорошо отглаженная плита из рыжевато-го туфа размерами 46×34 см без каких-либо изображений.

⁶² С. А. Есаян. Скульптура древней Армении, с. 36, 58.

⁶³ О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 95.

Большое количество таких камней обнаружено и в других помещениях. По мнению А. А. Мартиросяна, этот уголок в целом очень напоминает участки основных жилищ, где помещались каменные антропоморфные идолы и продолговатый не детализированный камень, вделанный в стену, выполняя роль антропоморфного изваяния⁶⁴. Отдельные находки таких идолов найдены также в урартском слое Аргиштихинили⁶⁵.

Как видим, эти идолы-столбики известны в Араратской долине еще с конца II тыс. до н. э. Они, как и женские антропоморфные статуи, доживают до VI в. до н. э. и бытуют в Ошакане и Аргиштихинили, где наряду с официальными урартскими богами почитались и статуи местных богов, образуя сложный пантеон урартской религии. То же самое относится к ошаканской плите, которая и по размерам и по местоположению совпадает с кармирблурской.

Плиты несколько иного типа обнаружены при раскопках Аргиштихинили. Они имели продолговатую форму и были снабжены углублениями для установления в них ритуальных сосудов. Эти плиты, расположенные в углах помещений, также создавали своеобразные священные углы⁶⁶. Ошаканская плита, стоявшая в северо-западном углу помещения, по-видимому, являлась алтарем священного угла первого комплекса, на котором производились ритуальные возлияния. О ее принадлежности к урартскому времени свидетельствует и техника обработки камня, ничем не отличающаяся от техники обработки плит, уложенных на порогах или образующих ступеньки перед дверьми некоторых помещений. Подобные алтари-платформы, бытовавшие в Закавказье и в более позднее время, встречаются, в частности, в Двинском дворце V—VI вв. и в античных храмах Дедоплис Миндори близ села Араде-ти Карельского района Грузинской ССР, раскопанных Ю. М. Гагошидзе. Однако они были посвящены не местным и урартским богам, а отражали иранские культы плодородия (богиня Анахит) и огня⁶⁷.

К последней группе культовых памятников Ошакана относятся три зооморфных изображения. Два из них, найденные в помещениях XXXVII и XXXVIII, представляют собой крупные прямоугольные туфовые плиты с округлой верхней частью, напоминающие армянские средневековые надгробные камни. Первая из них (длина 78 см, высота 56 см, ширина основания 32 см) в передней части имеет выступ шеи длиной в 20 см с отбитой головой. Из-под шеи отходит рельефно выполненная согнутая нога какого-то животного. В части крупы спина резко суживается, образуя небольшой заостренный куцей хвост какого-то животного (козы?) (табл. XXXVI, 1).

Второй камень имеет аналогичную форму (без шеи и других атрибутов). Лишь передняя часть по всей высоте, на расстоянии 20 см от края, сужена на 10 см (размеры 72×47×30).

⁶⁴ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 164.

⁶⁵ Устное сообщение Р. Торосяна.

⁶⁶ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 107.

⁶⁷ Ю. М. Гагошидзе. Раскопки языческого храмового комплекса на Дедоплис Миндори. Арх. экспедиция Гос. музея Грузии, т. V. Тбилиси, с. 79; *его же*. Стратиграфические раскопки храмового комплекса II—I вв. до н. э. Дедоплис Миндори в 1976—1977 гг. Арх. экспедиция Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1978, с. 77.

Находка этих изваяний четко показывает, что в Урарту, наряду с антропоморфной скульптурой, применялась и зооморфная.

Третья находка представляет собой небольшой бесформенный камень кладки стены помещения XXXVIII: на лицевой поверхности его высечена конусообразная выемка, из которой выступает небольшая грубо отделанная голова быка (табл. XXXVI, 4). Подобные бычьи головки хорошо известны по материалам урартских комплексов, где они выступают в виде ручек из находок в Ване, Гуши, Алишаре и т. д.⁶⁸ Подобные ручки хорошо известны и на глиняных кувшинах из Кармир-блур и Двина. Находка ошаканского изваяния свидетельствует, что в урартском искусстве кроме ручек сосудов головка быка тоже являлась в виде небольших барельефов.

Исключительное значение для изучения следов древних культов и более поздней реконструкции имеют помещения XXVI и XXVII. Последнее представляет собой зал площадью около 100 м². В центре зала с востока на запад расположены в два ряда туфовые базы восьми колонн. На полу помещения расположены четыре ямы, перекрытые плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами битой и использованной местной и урартской керамики, а на полу в завале камней было найдено 25 идолов-столбиков и фаллосов; еще девять фаллосов и идолов видны в общей с помещением XVII стене. Этот колонный зал, по-видимому, был святилищем обоих комплексов, где были установлены многочисленные статуи, фаллосы и идолы-столбики, перед которыми совершались жертвоприношения.

Раскопки четко показывают, что зал уничтожен пожаром и позднее вместе с другими помещениями был восстановлен, а идолы, фаллосы и статуи были использованы как строительный материал. После реконструкции в юго-восточном углу зала был построен небольшой чулан, а в юго-западной части зала—небольшое помещение с очагом (размеры 0,7×0,6), сооруженным из четырех каменных столбов высотой в 0,5—0,7 м и трех каменных плит между ними, оставляющим открытой лишь восточную стенку. Вдоль северной стены зала—платформа из камней и сухой земли (длиной в 10, шириной 3,6 и высотой 0,5 м), перекрывшая все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышавшаяся на 0,2 м над платформой, а за нею массивная стена, примыкающая к урартской западной стене. Как видим, при реконструкции колонного зала святилище было превращено в капище с очагом.

Помещение XXV (площадью 150 м²) также представляло собой восьмиколонный зал. Первоначально оно имело три входа—главный со двора и второстепенный из коридора; третья дверь вела в помещение южного отсека. Под южной стеной тянулась высокая приступка-скамья, сложенная из крупных камней и обмазанная глиной. Отсутствие древних культовых сооружений и наличие трех дверей, делающих зал проходным, позволяют предполагать, что первоначально он служил для больших торжеств или собраний.

После реконструкции колонны этого зала были сняты (сохранились лишь две базы, при раскопках две другие найдены в помещениях

⁶⁸ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1969, с. 58.

XXII и XXXI уже в виде строительного материала). По середине зала возведена поперечная стена, делящая его на два помещения, первое из которых имело вход со двора, а второе—через вышеуказанный коридор. В первом помещении, неподалеку от дверного проема, проведена к западной стене, общей с помещением XXVI, небольшая стена длиной в 3,5 м, образующая небольшой закуток (аналогичный строению в помещении XXVII), внутри которого находится овальный очаг размером 1,0×0,5 м. Его стенки имеют ширину 25 см и высоту 15 см, на 5 см они врыты в землю. Дно очага обмазано слоем глины толщиной в 4—5 см, как и стенки, сильно обгоревшие.

Таким образом, после реконструкции зала здесь появилось небольшое капище с двойными дверями, аналогичное капищу помещения XXVII, но с очагом другой формы. В северо-восточной части второго помещения, образованного разделением зала, под внешней стеной был сооружен прямоугольный очаг размером 0,7×0,45 м и глубиной 10 см. Он также имеет врытые в землю глиняные стенки, но в его западном углу стоял камень высотой в 0,5 м. Напротив очага под восточной стеной, как и в помещении XXVII, возведена дополнительная стена.

Этим не ограничивается сооружение новых культовых памятников. Очаг, совершенно аналогичный очагу помещения XXVII, сооружен в помещении XX вместе с небольшой поперечной стеной, позволившей устроить здесь двойные двери. Такая же картина наблюдается и в помещении XXII, где в западном углу была сооружена платформа размером 2,57×2,42 и высотой 0,5 м. На этой платформе обнаружено два очага. Один из них, в северо-западном углу, имел прямоугольную форму и состоял из двух камер, разделенных глиняной перегородкой. Он сложен из семи гладких туфовых камней, размеры его 0,93×0,47, глубина—15 см. Дно очага также обмазано толстым слоем обожженной глины. Второй очаг был сооружен в юго-западной части платформы, он походил на очаг первого помещения колонного зала XXV.

Итак, после реконструкции дворцовых комплексов на месте урартских святилищ и прилегающих помещений образуются три крупных храма-огня, размером в 100, 75, 75 м², и два малых храма, имеющих размеры прежних помещений. Внутри храмов сооружались очаги различной формы, что, вероятно, указывает на их ритуальное различие.